

ЗНАЧЕНИЕ РУКОПИСИ МАРКСА «ФОРМЫ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМУ ПРОИЗВОДСТВУ» ДЛЯ ИСТОРИИ ДРЕВНОСТИ

Рукопись Маркса представляет выдающийся интерес. Она вводит нас в лабораторию научной мысли Маркса, показывает нам, с какой тщательностью и глубиной Маркс всесторонне исследовал изучаемый им громадный материал и вынашивал великие идеи, получившие затем законченное, совершенное выражение и оформление в грандиозном творении «Капитала».

Работа Маркса представляет особую ценность для историков древности, так как ставит и разрешает ряд вопросов, относительно которых в советской науке до сих пор не достигнуто полной ясности.

Рукопись Маркса—одна из подготовительных работ к «Капиталу», где все явления буржуазной экономики рассматриваются исторически, в их возникновении и развитии; поэтому и в данном случае к уяснению частных вопросов современности Маркс привлекает и прорабатывает громадный исторический материал. Он ставит специальный вопрос: каким образом произошел отрыв свободного труда от общественных условий его осуществления (от средств и материалов труда), разрыв между неорганическими, естественными условиями человеческого бытия и деятельным бытием, «разрыв, впервые становящийся полным лишь в форме отношения наемного труда и капитала». В связи с этим Маркс анализирует различные формы докапиталистической собственности, в частности различные формы общинной земельной собственности.

↓ В древности всякая земельная собственность выступает как опосредствованная принадлежность индивида к общине. В зависимости от ряда исторических условий характер общины и связанных с ней форм собственности бывает различен. ↓ Маркс устанавливает в основном для древности три формы собственности—азиатскую, или восточную, английскую и германскую. Тем самым раз навсегда кладется конец попыткам некоторых историков усмотреть у Маркса особую «азиатскую» общественно-экономическую формацию. Азиатское общество—общество рабовладельческое; оно имеет свои специфические особенности, но оно так же мало представляет особую общественно-экономическую формацию, как и германское. Маркс выделяет отдельно азиатскую, или восточную, форму собственности, как и германскую, лишь как одну из конкретно-исторических модификаций общинной собственности. В то время как на Востоке отдельное лицо является лишь владельцем земли, принадлежащей коллективу, воплощенному в деспоте или племенном боге, в античном обществе опосредствованная принадлежностью к общине собственность выступает «в двойной форме—как государственная и наряду с ней частная собственность, но так, что последняя обусловлена первой». Характер античной собственности в послед-

нее время был предметом обсуждения на страницах советской печати («Историк-марксист», 1939, № 4; «Исторический журнал», 1939, № 10; ВДИ, 1939, № 4(9)). Работа Маркса вносит полную ясность в этот вопрос.

Буржуазные экономисты и историки, особенно сторонники так наз. юридической школы, рассматривают всякую частную собственность как собственность капиталистическую. Маркс показывает, что в древности частная собственность исторически, по своему происхождению, и экономически, по своему содержанию, не только принципиально отличается от капиталистической собственности, но и в самой древности принимает различные формы и имеет много разновидностей.

† Обычная земельная собственность—историческая предпосылка возникновения частной собственности на землю в древности и определяет ее специфический характер. За всеми видами частной земельной собственности в древности всегда находится коллектив, который представляется в самых разнообразных видах—иногда это восточный деспот, иногда это—бог и его жрецы, иногда—«община равных».† Римская квирильская собственность и *ager publicus* покоятся в конечном счете на той же общинной основе, что и «царская земля» на Востоке. Но различие исторических условий привело к различным формам земельной собственности в древних обществах и сказалось в различии политических и идеологических надстроек.

Античная земельная собственность, имевшая свои местные, исторические и т. д. разновидности, является «продуктом судеб первоначальных племен и видоизменений, которые они претерпели». Здесь пашня—территория города, тогда как на Востоке города в собственном смысле образуются «наряду с селами только там, где место особенно благоприятно для внешней торговли, или там, где глава государства и его сатрапы, выменивая свой доход (прибавочный продукт) на труд, расходуют этот доход как рабочий фонд».

• В Месопотамии, Египте, Индии условием присвоения продуктов земли является, наряду со средствами сообщения и т. д., ирригационная система, представляющаяся «делом рук высшего единства—деспотического правительства, вознесшегося над мелкими общинами». † В Греции и Риме земля сама по себе «не ставит никаких препятствий тому, чтобы относиться к ней, как к неорганической природе живого индивида, как к его мастерской, как к средству труда, объекту труда и жизненным средствам субъекта». Здесь препятствия могут возникнуть и возникают со стороны других общин, раньше захвативших землю, и отсюда становится постоянной необходимостью война и соответствующая организация общества. Поэтому частная собственность на землю в античном мире развивается в ином направлении, чем на Востоке. «Чем меньше собственность отдельного человека может быть фактически использована только коллективным трудом (т. е. таким образом, как например, система орошения на Востоке), тем решительнее историческое движение, перемещение с места на место, ломает характер племени», «тем больше имеется условий для того, чтобы отдельный человек стал *частным собственником земли...*» И в этих условиях также принадлежность к общине—непременное условие присвоения земель, но отдельный человек является уже частным собственником; и, наоборот, частный собственник относится к своей собственности как к условию принадлежности общине. «Частный земельный собственник является таковым только как римлянин, но как римлянин—он обязательно частный собственник».

† Специфическим характером азиатской собственности и органически связанными с ней условиями производства объясняется застойность восточных обществ. † Античное же общество получило в силу историчес-

ких условий гораздо более высокое развитие, хотя оно также не могло развиваться свободно, ограниченное рамками своеобразной античной земельной собственности.

Экономическая и гражданская история древности будет совершенно непонятной, если изучать ее без учета общинного уклада жизни, покоящегося на незрелости индивидуального человека. Анализ именно этого уклада составляет основную тему первой части работы Маркса. Возникновение классового рабовладельческого общества не означает полной ликвидации исторически возникших отношений индивида к общине, как предпосылки его отношения к земле. Связь индивида с общиной—в ее античных и азиатских формах—может сохраняться неизменной лишь при простом воспроизводстве на основе заранее данных объективных условий, определяемых, помимо естественных причин, историческими событиями, завоеваниями, переселениями и т. д. Но само производство мало-помалу разрушает эти условия. Изменяя свое отношение к общине, человек тем самым изменяет и разрушает самое общину и ее экономическую предпосылку, изменяющуюся и в силу собственной диалектики. Медленнее всего процесс разрушения общины протекает в ее азиатской форме. «Это заложено в ее предпосылке: в том, что отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине, что объем производства рассчитан только на обеспечение собственного существования, что земледелие и ремесло связано воедино и т. д.».

Римское рабовладельческое общество сложилось в иных исторических условиях. Но и в Риме производство развивалось в рамках заранее данных отношений; поэтому, хотя в силу исторических и экономических условий разложение этих отношений совершалось быстро и в основном фактически завершилось к концу республики, оставив лишь пережитки главным образом в области идеологии, ограниченность первоначальной основы продолжала сказываться во всех областях политической и экономической жизни. «Здесь, в рамках определенного круга, может происходить значительное развитие. Могут появляться крупные личности. Но здесь немисливо свободное и полное развитие ни индивида, ни общества».

Маркс рассматривает, конечно, различные формы собственности не изолированно, а в диалектической связи и взаимодействии всех сторон производства и основанных на нем производственных отношений. Он специально останавливается на вопросе о характере воспроизводства в различных обществах древности, раскрывая и здесь специфические особенности, исторически обусловленные и в свою очередь определяющие дальнейшее развитие производительных сил, ломающее традиционные отношения. «Определенная ступень развития производительных сил трудящихся субъектов (которой соответствуют определенные отношения их между собой и к природе)—вот в чем, в конечном счете, причина разложения как коллектива, в который они организованы, так и основанной на нем собственности. До известной степени—воспроизводство. Затем переходит в разложение». «...Воспроизводство является в то же самое время по необходимости производством заново старой формы и разрушением ее».

Но это разрушение протекает различным образом в различных условиях. На Востоке старые формы собственности и самый коллектив устойчивее. Рабство здесь не производит такого разлагающего действия на старый способ производства, как в античных обществах. Поэтому застойность, консерватизм характерны для этих обществ. Точно так же промышленность и торговля на Востоке также не ведут к утрате инди-

видом связи с коллективом, выражающейся в специфической форме собственности. Между тем, в античных обществах развитие производительности труда, благодаря завоеваниям и сношениям с чужеземцами, благодаря рабству, благодаря обмену, быстрее разлагает способ производства, на котором основывается коллектив, и стимулирует развитие производительных сил.

Более прочная связь индивида с коллективом на Востоке объясняется также соединением промышленности и земледелия, города (села) и земли. «История классической древности—это история городов, но история городов, основанных на земельной собственности; азиатская история—это своего рода нерасчлененное единство города с деревней». Эту мысль Маркс подчеркивает в разной связи несколько раз. Он придает большое значение различной роли города в разных обществах древности, что накладывает свой отпечаток на политический строй.

«Азиатское сочетание земледелия и промышленности» содействует сохранению старинных традиций в процессе производства и в основанных на нем производственных отношениях. Отсюда, в частности, и неодинаковое отношение к ремесленному труду свободных в Греции и Риме, с одной стороны, и на Востоке—с другой. В античных республиках, которые, по выражению Энгельса, были основаны на городах, занимающихся земледелием, занятие земледелием сохраняет традиционную племенную основу общества. Ремесло и промышленность были делом вольноотпущенников и чужестранцев и считались в Риме зазорным занятием. «Ни одному из римлян не дозволено было заниматься ни торговлей, ни ремеслом», сообщает Дионисий Галикарнасский (IX, 25). А когда рабство стало основным видом труда, труд стал рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободного гражданина. Это отношение к труду, как известно, содействовало тому, что рабовладельческое общество зашло в тупик. На Востоке вследствие сочетания земледелия и промышленности не делалось различия между трудом земледельца и ремесленника. «С другой же стороны: так как отдельный человек при этой форме собственности никогда не становится собственником, а является только владельцем, он, по сути дела, сам—собственность, раб того, в ком олицетворено единство общины, и поэтому рабство не подрывает здесь условий труда и не видоизменяет существа отношения».

Маркс касается в своей рукописи и причин различия в политической надстройке рабовладельческих обществ древности—от неограниченной деспотии до демократии,—причин, роли и значения войн в различных обществах древности, разбирает отношение древних к богатству и накоплению. Он с блестящим остроумием показывает, почему «младенческий древний мир представляется чем-то более возвышенным, нежели современный».

Неполный перечень вопросов, которые затрагивает и анализирует в своей рукописи Маркс, показывает, какое громадное значение имеет эта работа Маркса для истории древности. Один из серьезнейших недочетов работ советских историков древности—это отсутствие в них ясного анализа экономических категорий и понятий, которыми они оперируют. «Собственность», «торговля», «промышленность», «город», «деревня»—все эти и подобные им понятия берутся как данные; их конкретное содержание в истории отдельных обществ древности в сущности не раскрывается, и фактически историк вкладывает в них содержание, заимствованное из современной нам действительности; а это неизбежно искажает историю, мешает правильному пониманию закономерностей исторического процесса. Работа Маркса не только дает глубокий анализ ряда конкретных явлений древней экономики, но и учит нас каждое общее понятие

наполнять глубоким содержанием, помнить, что, по словам Ленина, «общее существует лишь в отдельном, через отдельное» (Соч., т. XIII, стр. 303).

Историки древности должны будут основательно и серьезно изучить опубликованную рукопись Маркса и применить указания основоположника марксизма в своих дальнейших работах. В частности, в подготовке «Всемирной истории» (шеститомной серии, посвященной истории древности) работа Маркса должна быть положена в основу теоретических построений.

В особенности это касается второго тома этой серии, посвященного истории древнего Востока, где ряд спорных проблем может быть совершенно определенно выяснен благодаря очень важным указаниям Маркса.

Рукопись Маркса дает в руки историков возможность постичь историческое своеобразие и специфичность различных государств древности, объяснить, почему рабовладельческие отношения в Египте, Вавилоне и других государствах не могли подняться до уровня высокоразвитых рабовладельческих отношений в Греции и Риме.

Необходимо при этом остерегаться от превращения идей Маркса в мертвую схему и не пытаться механически прилагать ее ко всем рабовладельческим обществам во все времена, во всех стадиях их изменения и развития в конкретных исторических условиях.

Задача историка-марксиста заключается в том, чтобы, пользуясь исключительной ценности методологическими указаниями рукописи Маркса, дать конкретное исследование различных рабовладельческих обществ, показать своеобразие их социальной и политической структуры, быта и культуры.

